— Пришло известие, оно не такое, как мы надеялись, — оракул и эфоры высказались.

Армия Спарты не может пойти в поход. Мы не можем сражаться с Ксерксом. Поэтому царь отдал нам особый приказ. Мне и Артемиде приказали выбрать три сотни наших лучших воинов, чтобы они пошли к горячим воротам. Так мы и сделали.

Я стоял, готовясь к выходу, чтобы присоединиться к моим братьям в битве. Я взял свой меч, копье, щит и приготовился к выходу, но поскольку нам запретили идти на войну, я не мог взять с собой доспехи, только одежду. Я вышел из спальни к парадной двери и увидел, что моя семья ждала меня. Мой сын стоял гордо, высоко подняв голову и выпятив грудь, теперь он мужчина. Моя дочь, ее слезы сильны. Но я чувствовал гордость за неё. Любовь, которую я испытываю к ней, намного сильнее. А впереди стояла моя жена, ее прекрасные океанские глаза смотрели на мои. Ее лицо стоическое и гордое, но я чувствовал ее боль. Я увидел, как она сдерживала слезы.

— Спартанец, моя любовь. Вернись к нам со своим щитом или на нем, — сказала она мне.

Она подняла руку и взяла ожерелье, которое я подарил ей много лет назад и надела его мне на шею. Множество острых зубов льва и прекрасные драгоценные камни, над поиском которых она потрудилась. Это наш символ любви.

Моя дочь потянула меня за руку. Она положила мне в руки красивый браслет... Я нежно поцеловал ее в лоб и вытер слезы рукой. Возможно, я больше не увижу ее, свою принцессу. Но знай, что я люблю тебя. Я не говорю, мне это не нужно. Она знает... Я надеюсь, что она знает...

Я снова повернулся к жене. Посмотрел на нее, мое лицо ожесточилось, готовясь к предстоящей битве. Я не говорил ей ни слова. Как я мог. Только сильные и храбрые могут называть себя спартанцами. Только сильные, только храбрые. Я протянул руку и отдал своему сыну львиную шкуру, которую я сделал много лет назад.

Он поднял на меня глаза и гордо выпятил грудь. Я знаю, что это больно, сын мой. Но завтрашний день будет светлее, не только для Спарты, но и для всей Греции. Я вышел на улицу и первое, что я увидел, это собранных всех моих братьев и их семей.

— СПАРТАНЦЫ! УРА, УРА!

— ОГО! ОГО! ОГО! ОГО! ОГО! ОГО! ОГО! ОГО! АУУУ! — Это были не мои братья. Это были наши матери, сестры, жены, дочери, моя жена, моя дочь.

— УХОДИТЕ! — Я поднял копье и крикнул своим братьям.

Мы не произнесли ни слова, но каждый из нас знал, что в глубине души мы любим свои семьи.

И вот, мы шли навстречу к нашему королю. Наши ноги маршировали под звуки песнопений наших семей. Никто из нас не оглядывался назад, только вперед. Вперед к будущему.

За воротами Спарты мы встретили нашего царя — Леонида.

— Капитаны.

— Мой царь, — Артемида и я ответили.

— Это все? — спросил Леонид.

— Триста, как ты приказал. У всех есть сыновья, которые продолжат их имя, — Артеммда ответила.

Леонид посмотрел на Диллиоса и кивнул. Затем он начал переходить к следующим спартанцам.

— Мы с тобой, государь. За Спарту. За свободу. До смерти! — крикнул Стелиос.

Я ухмыльнулся своему старому другу. Он был храбрее многих и определенно самый боевой изверг из всех нас.

Леонид тоже ухмыльнулся. Он гордился бесстрашием своих солдат.

Мы продолжали осматривать войска, пока не наткнулись на юнца. Один из мальчиков Артемиды.

— Это твой сын. Но он слишком молод, чтобы почувствовать женское тепло, — сказал Леонид.

— Ты уверена, Артемида? — спросил я.

Я тоже беспокоился за мальчика. Это была не та битва, из которой многие из нас ожидали вернуться. А в Спарте не оставить после себя сына в некоторых случаях считалось позором.

— У меня есть другие, чтобы заменить его, — Артемида заговорила.

— Астинос храбр, как никто другой. Он не моложе нас, когда мы впервые встали рядом друг с другом в битве, — сказала Артемида.

Я похлопал её по спине. Мне больше нечего было сказать.

— Ты хороший друг. Но лучший капитан? Лучшего нет.

— Среди моей армии ни у кого нет такого умения и силы владеть клинком, как у тебя, — сказал Леонид.

Я ухмыльнулся и ударил копьём по щиту.

— Мой добрый царь! Мой добрый царь! — Мы повернулись и увидели, что к нам приближаются члены совета.

— Мой добрый король! Оракул сказал. Эфоры сказали. Марша не должно быть, — они заговорили.

— Таков закон, мой повелитель. Спартанская армия не должна идти на войну, — заговорил Терон.

— И не должна. Я не отдавал таких приказов. Я здесь, просто прогуливаюсь. Размять ноги. Эти 300 человек — мои личные телохранители. Наша армия останется в Спарте, — Леонид заговорил.

— А куда пойдете вы? — спросил Терон.

— Я не думал об этом. Но раз уж ты спросил. Думаю, я отправлюсь на север, — ответил Леонид.

— К горячим воротам, — сказал Терон.

Я холодно смотрел на людей из Совета, которые искали ответа друг у друга. Я презирал этих трусов больше всех. Они позорят имя Спарты.

— УХОДИТЕ! — крикнула Артемида нашим храбрым тремстам.

— Что нам делать? — спросил один из членов совета.

— Что мы можем сделать? — спросил Терон.

— Что вы можете сделать? — спросил Леонид.

Я посмотрел на Терона и схватился за рукоять своего меча. Я думал, что сообщение громкое и ясное. Я повернулся и пошел к своим братьям. Я прошел весь путь до фронта вместе с Артемидой, когда мы начали наш марш, пока я шел, Леонид стоял позади и разговаривал со

своей женой.

— Спартанец, вернись со своим щитом. Или на нем, — говорил Горго.

Он не сказал ни слова. Никто из нас не говорил. Он просто маршировал.

Когда мы шли, нам открылось зрелище, подобного которому не было. Наши семьи и наши братья, вынужденные оставаться позади, провожали нас.

Никто из нас не смотрел, никто не говорил ни слова. Ведь только сильные и храбрые могут называть себя спартанцами. Только сильные... Только храбрые...

Наш аулос звучал громко и сильно, возвещая о начале нашей битвы.

Мы маршируем: — За наши земли! За наши семьи! За нашу свободу! Мы маршируем!

(спартанец x1)

x1

<http://tl.rulate.ru/book/92268/2974547>